

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: Предлагаемый текст — продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г. Й. Фоссия «Искусство историки», начатого в № 23–27 Vox. В десятой главе рассматривается вопрос о том, насколько энергия отдельных исторических деятелей способствовала разворачиванию общей перспективы истории. Конкретные обстоятельства являются при этом лишь рамкой.

В конце рассказывается о способе осуществления власти тиранами.

Ключевые слова: историка, граница, нарратив, исторический закон, событие, доказательство, образ, рассказ.

Глава десятая

Историка — это не отстранение от друзей и не поношение заявляющих о действиях.

Сисенна¹ в своей книге о Сулле. Отношение Анны Комниной² к Созомену. Поджио поддерживает Макиавелли, выступающего против восхваления Отто Фрейзинского: как Фукидид Полибия. Тимей обвиняет Полибия иначе. Мнение Валерия Антия о том, что Сципион в Испании поступал непоследовательно, иначе, чем приписывал ему Полибий. Геллий полностью опровергает то, что Валерий Антий пишет, имея в виду книгу Невия³, в которой иначе описан Сципион. Испробовать это суждение рискованно, предлагая его письменно. Историки не

¹ Сизенна (1 в. до н. э.) — римский государственный деятель и историк. Упоминание о Сулле содержится в 1-й книге «Истории», повествующей о событиях Союзнической войны (Марсийской) 91–88 гг. до н. э.

² Анна Комнина — византийская императрица, 1004 г. — 1053 г.

³ Невий — древнеримский поэт и драматург, политический деятель, представитель плебеев (269–199 гг. до н. э.).

должны восхвалять то, что существует в последующих суждениях, судить о том, что заслуживает или не заслуживает описания. Добросовестные изложения Сострата из Книда⁴.

Иное основание истории представляет Туллий, которое не может быть отвергнуто. Не этим определяется истина, но этим определяются другие отклонения, о которых не упоминает Сисенна в своём обзоре о Сулле. Вот что говорит Саллюстий о Югуртинской войне: удобнее просто наблюдать то, что даёт природа, описывая минимальные наблюдения, улучшая её, меньше говоря, вовсе не касаясь других мест о Сулле; таким образом Сиссенна даёт цельное и живое исследование предмета, как мне представляется из его видения частных. Не один Сиссенна стужевался перед ними, но по обыкновению он считает историка неосновательной: приводя посторонние обстоятельства, отрицает самого себя. Тем самым мы не будем в нашем изложении воспроизводить эти недостатки и следующие отсюда упрёки, и необходимости приносить жертвы.

Вот, например, из предисловия Анны Комниной, обсуждающей книгу «Алексиада» по поводу Алексия: «Необходимо предельно сопровождать похвалы порицаниями, подтверждая то любовь, то ненависть, и максимально подчёркивать это действиями, поэтому необходимо по возможности осуждать пороки, вредность которых мы обнаружили здесь и сейчас. Поэтому друзей не осуждают, а недругов не принимают во внимание». Так это почти дословно излагается в книге Полибия о Филии и Фабии, в соответствующих разделах. Так же и в других сочинениях Полибия в целом. Казабон передаёт: «В этом, пожалуй, усматривают частную жизнь, которая не должна быть презренна, и поэтому достойный муж может быть другом иностранца; это вызывает между друзьями ожесточённые споры, иногда приводящие к жертвам; в этих спорах друзья находят путь к исторической истине, оправдывая другие исторические личности, ранее вообще забытые». Подразумеваются места, уместные для противостояния, и в целом хвалебные, следующие из содержания предмета, определяемые фактами: в каком-то смысле отвечающие истине или совершенно необходимые, но без тех постыдных пороков, которые были обнаружены в совокупности заблуждений. Свечение некоторых животных бесполезно воспроизводить, так же как ставить вопрос об истине в историческом изложении, которая превосходит простой рассказ, к которому бесполезно обращаться. Вследствие чего обвинения друзей во вражде нужно уравновешивать похвалами.

⁴ Сострат — древнегреческий архитектор из Книда, III до н. э.

Или же не изменяются связанные с ним (рассказом) другие толкования, которые уже звучали в обсуждении в целом, и остались в нём, но при этом не остаётся ошибок, похожих на истину, оставшихся от прежнего расклада, связанных с прежним порядком языка и вытекающих из прежних суждений о справедливости.

Сходное можно найти у Лукиана в книге «Об истории»: «Если лично и ненавидеть кого-либо и об этом сообщать во всеуслышание, то очень нужно наличие разных позиций, чтобы не опасаться погрешить против истины». И далее он продолжает: «Таков, на мой взгляд, историк, он боится остаться без дара соблазнительных способностей; лучше уходить от свободы в отношении истины — так привержен истине комик. И комики, накладывая одно на другое, всё же связывают эти позиции. И только не ненавидя, но и не объявляя кого-либо друзьями, не сочувствием, или состраданием, или даже простой заботой — главный путь к справедливости и доброй воле. И к тому же не принимать альтернативу за нечто постороннее, быть свободным с чужеземцами и пришельцами, не сведущими в законах; не могут они править ни сами, ни также и через тех, кто к ним благоволит, и вообще выступать как отдельная группа; их действия должны рассматриваться в каждом отдельном случае».

О том же напоминает Созомен:⁵ «Те, кто неукоснительно придерживается правоверия, уже этим бывают обмануты, избегая истины совокупности написанного» (Соч., т. 1. «История церкви», гл. 1). Не следует отдавать предпочтение порокам души, движимой стремлением к наслаждению. Вот из другого источника: «В истории невозможно составить картину без максимально искреннего отношения». И далее: «Истина, относящаяся к целому, должна заранее объявляться в тексте». Не считает это законом Поджий⁶ Флорентийский. В своей эпиграмме на Якопо Саннадзаро⁷, в шутовской манере восхваляя родину, Поджий отвергает чужестранцев: «Нет зла от гражданина, нет добра от историка».

Так же у Макиавелли, который подробно углубляется в жизнь Кастрии⁸, — именно о том, как пришельцы создали Флорентийскую республику. Несколько лучше Отто Фрейзингский с сыновьями и вообще родственниками, как его правильно воспроизводит Энео Сильвий: «Если

⁵ Созомен (400–450 гг.) — византийский адвокат, раннехристианский писатель-историк, автор «Церковной истории».

⁶ Поджио Флорентийский (1378 г. — 1450 г.) — итальянский гуманист.

⁷ Якопо Саннадзаро (итал. Jacopo Sannazaro; 28 июля 1458, Неаполь — 6 августа 1530, Неаполь) — итальянский поэт и писатель. Писал на латыни, тосканском и неаполитанском наречиях. Наиболее известен как автор написанного прозиметром романа «Аркадия» и поэмы «Рождение Девы». Саннадзаро взял литературный псевдоним Actius Syncerus.

⁸ Кастрия — деревня в Пелопонесе.

проследить всю оставшуюся в памяти родословную римских понтификов со всеми их потомками — кто из них был пришельцем, то, исходя из наблюдения, исторических законов, исторической истины из них не извлечёшь».

Иначе смотрят на это древние авторы, в том числе Фукидид, описывая жизнь Марцеллия, и в частности, его изгнание афинянами; решившего не оставаться там, следуя склонности своей души. Не так в сходных условиях действовал Клеон и выдвигавший ложные причины Брафий⁹. При этом Фукидид вовсе не доверяет Галикарнасцу, у которого всё пребывает на минимальном уровне выражения. У Полибия же, с одной стороны, заявлена любовь, а с другой — непременно следует вина. Лучше не ненавидеть и не восхвалять.

Правление Арата¹⁰ Ахейского в Греции прошло незамеченным и не рассмотренным Полибием в целом, но тем не менее оно осуждается в его книге. Этого избежали Филопомен¹¹ и Ликорт¹². Предшественники полагали, что наследуемая истина должна быть возлюблена.

Вследствие этого часто пренебрегали последовательностью смены узаконения правлений египетской власти. Как полагает Аристен¹³, нужно не созерцать то, на что нет ответа, а возвышать голос, не вникая Ликорту. Как можно не замечать несуразности власти сицилийского тирана Агафокла? В этом случае порицание историка равносильно похвале, к которой сам Агафокл не имеет отношения. В этом причина того, что Полибий не отрицает уверенности в том, что вышеупомянутый Сципион Африканский, взяв в плен испанских девушек, не отнёсся к ним как к добыче и отпустил их. И это много позже воспроизвёл благороднейший Тит Ливий по свидетельству Валерия Антия. Его слова воспроизводит также Геллий в кн. 6, гл. 8. Правильность этого представляет также Камерарий в своём «Дополнении», часть 1, стр. 49, к чему склоняет вышеупомянутый Антий. И один только Полибий описывает всё в целом. Так оно, очевидно, и есть. И Валерий Антий, по словам Геллия, выступает против этого в своих сочинениях. Об этом пишет Геллий Валерию, непосредственно воспроизводя слова Невия¹⁴: «Истина непосредственна». Это неправильно относить к сочинениям о Сципионе. Иногда молодому поколению молва приписывает недостаток суждений, противостояние власти, что мешает успехам благородных людей. Нельзя полностью

⁹ Брафий — пелопоннесский деятель (V в. до н. э.).

¹⁰ Арат — древнегреческий полководец (III в. до н. э.).

¹¹ Филопомен — древнегреческий политик (253 г. — 183 г. до н. э.).

¹² Ликорт — древнегреческий политик, отец Полибия (II в. до н. э.).

¹³ Аристен — древнегреческий политик (II в. до н. э.).

¹⁴ Невий — древнеримский поэт (III в. до н. э.).

отвергать нравы предков. Благородство римского народа воплотилось в духе его выдающихся мужей, которое всем очевидно, оно распространяет свою энергию в других странах и дарит надежду. Это позволяет мне занять нейтральную позицию относительно суждений Антия. Меньше моментов у Полибия, упомянутых у Камерария, мне представляются заслуживающими доверия. В свою очередь Плутарх преподносит слова Сципиона иначе, чем Полибий. По какой причине Плутарх обращается к Полибию? То, что установилось во время Троянской войны, не продолжалось в иные времена (при этом рождение Полибия в первую очередь связано с Африкой). Сципион Эмилиан, прозванный Африканским и являвшийся его родственником, внимал божественным советам в военных делах. Можно подумать, что историкам сложно понять происходящее, согласно своим законам, в письменном изложении, и стоящий за ним способ властвования. Необходимо избирать другие пути, чтобы избежать произвольности, что и подразумевает Павсаний. В это целое может быть включён также и Веллий. Я действительно полагаю, что в настоящий момент нет причин, что Полибий не использовал знания, дошедшие от родителей. Поэтому Сципион мог использовать документ, доставшийся ему от Сципиона Эмилия, предполагая, что это произведение не может быть вымышленным, о чём негласно советовался с Полибием. Между тем Полибий вовсе не признавал, что фактические ошибки могли повлиять на воплощение событий в целом, поскольку они воспринимаются в их общей ценности, в то время как другие факторы не принимаются во внимание. Поэтому Лукиан в своей книге «Как пишут историю» не спешит законы истории считать более достоверными, нежели ночные сновидения. Не так поступали монахи, которые мыслили другие верования пространственно, без конкретного содержания. О спорах императоров с папами упоминалось выше. Об анафеме не шла речь, чтобы не связывать её с возможной ошибкой римских пап. Много говорилось о плаще того или иного римского папы; изучают формулу, которая была преподана аббатом Альбертом студентам в 1427 году. По этому поводу папа Пий II поведал в исследовании о работе архиепископа Могунтия, который вручил папам текст присяги, изложенный иными словами в «Дополнении» Успергенского аббатства. В первую очередь ценятся те моменты исторического изложения, которые можно наглядно измерить. Это то пространство, в котором расцветает сама история. Она не может прямо перейти в ошибочное утверждение. Нельзя продолжать просто неверные суждения и также сокрывать то, что может подразумеваться в нашем наблюдении и описании. Об этом по существу неявно прекрасно напоминает Лукиан в своих прежних сочинениях. В целом об этом часто вспоминают (разумнее

было бы об этом говорить). Но ныне принимают во внимание только обозримое время, в котором можно непосредственно произнести не только похвалу, но и обнаружить те силы, которые могут привести к победе. История составляется из незаменимых сочинений и иных от них производных. И достойный муж отделяет себя от всеобщей веры. Не льстить, никому не услуживать, но служить исключительно истине. Сохранять умеренную сдержанность и ценить правильное описание отдельных моментов. Эта благородная истина явлена Лукиану в прекрасном примере Сострата, архитектора из Книда, построившего маяк на Фаросе, объявленный седьмым чудом света, памятником империи, изваянным в камне, действительный материальный знак господства Птолемея, который тогда правил. Конечно, в перспективе можно предусмотреть краткие литературные жанры, где такая последовательность исчезает. Могут возникнуть заглавия, которые просто подобны крепостным укреплениям. Добавляет Лукиан в завершающей книге: «Отправляясь от того, как составляется история, истина более всего ожидается в будущем, включая почтение к власти предрержащим, в том числе и в настоящем времени. Так для себя определяется и измеряется настоящая история. Так же проверяют и воспроизводят наиболее подходящее и удобное для письменного изложения; если меньше проникаться невзгодами Краннона»¹⁵.

Наиболее добросовестным является сочинение, не подвергающее риску наши творческие силы или благополучие нашего государства. Это относится и к ныне живущим тиранам. Например, Кремутис Кордус¹⁶, восхвалявший Брута и Кассия, точно перечислил защитительные речи римских деятелей, погибших при Тиберии, они есть у Диона: книга, сообщающая о сожжении Патр, которую упоминает Тацит. Светоний обобщает эти сведения: Домициан умертвил Юния Рустика, который восхвалялся Тразеем Петом¹⁷, об этом же взывал к почтенным гражданам Гельвидий Приск¹⁸. О том же самом, но немного иначе рассказывает Тацит в жизнеописании Агриколы. Домициан задействовал Гермогена¹⁹ из Тарса, который всего лишь выдвигал исторические гипотезы. Отсюда видны основные принципы написания (истории): не обременять себя сожалением, что неумеренная свобода наказывается народом. Подводя

¹⁵ Краннон — Битва при Кранноне (2 августа 322 года до н. э.) — решающее сражение Ламийской войны между македонской армией и войсками греческих полисов.

¹⁶ Кремутис Кордус — историк, восхвалявший Брута и Кассия (I в. до н. э. — I в. н. э.).

¹⁷ Тразея Пет — Публий Клодий Тразея Пет, римский сенатор, консул-суффект 56 года н. э., неформальный лидер «стоической оппозиции» императору Нерону, принуждённый им к самоубийству.

¹⁸ Гельвидий — один из ярких государственных деятелей, республиканец (I в. н. э.).

¹⁹ Гермоген или Ермоген (др.-греч. Ἐρμογένης; лат. Hermogenes; середина II века — начало III века) — христианский богослов, философ, художник, софист и ритор.

предварительные итоги: в этом истинная причина того, что тираны оберегают своё существование. Было бы правильно установить, как можно уязвить дурных правителей; примеры их высокомерия представляет данная эпоха; наше издание это дополняет. Вот, например, Тибериус: историю его почётного погребения утвердил сенат. Но позднее было замечено, что появились страстные обсуждения. В силу чего (если судить по сочинению Тацита) появлялось много необоснованных, легковесных, любительских сочинений, которые напоминали о возможных верованиях, так и не осуществившихся. Так, против наказания встаёт личность. Иногда вовне этого пространства бушует неистовство, не приносящее славы. Будущие пороки властвования тиранов трудно описать. Показательно заключение спартанца Песцения Чёрного²⁰ о Диоклетиане: редко бывает так, чтобы тираны одерживали победу, скорее такое встречается в литературе; откуда возникает замысел (?), в целом возникают произведения, последовательно передающие ход событий. Наиболее важно почитаемое (или ужасающее), что искажает сочинение, при этом на первый план выводится нечто иное: впоследствии трудно сделать из этого какие-либо выводы. Какая из жизней наиболее заслуживает внимания: проведённая в войнах, которые ведут люди, или неизбежное возмездие.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaque scribende praeceptis commentatio

Gerardi Johannis Vossii

Abstract: The proposed text — the continuation of translation of the Dutch theologian, historian and philologist G. J. Foss, «Ars historica», launched in № 23–27 «Vox». The tenth chapter discusses how the energy of individual historical figures contributed to the development of a common perspective of history. Specific circumstances are in this case only a framework. In the end, we talk about the way the tyrants exercise power.

Keywords: historian, border, narrative, historical law, event, proof, image, story.

Перевод с латинского Лаврентьева Всеволода Серафимовича: lavrsv4@gmail.com

²⁰ Песцений Чёрный — биограф римских императоров.